

мольского актива города. У докладом об итогах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий в Москве выступил секретарь городского комитета ВЛКСМ Р. Салихов.

Выступившие в прениях секретарь комсомольской организа-

член бюро горкома ВЛКСМ т. Винокуров, секретарь комитета комсомола литейно-механического завода т. Серегин и другие горячо одобряли Декларацию и Манифест мира, говорили о стремлении молодежи крепить мир самоотверженным трудом.

люции собрание комсомольского актива горячо одобрило исторические документы Московских совещаний и заверило Центральный Комитет КПСС в том, что комсомольцы и молодежь города приложат все свои усилия к тому, чтобы укрепить мир на земле.

Артем ВЕСЕЛЫЙ.

Побратимы

За последнее время в нашей газете появился ряд материалов, рассказывающих о советском писателе Артеме Веселом, о мелекесском периоде его жизни и деятельности. В связи с этим старые большевики тт. Кисин, Шалонов, Шатков и другие просят познакомить читателей с отдельными произведениями писателя.

Выполняя просьбу читателей, сегодня мы публикуем рассказ А. Веселого «Побратимы», присланный для нашей газеты дочерью писателя Гайрой Веселой (Москва).

Они встретились в Кронштадте, на Якорной площади.

Арсений говорил скорую речь среди многотысячной волнующейся толпы моряков, солдат и портовых рабочих. Военный моряк французской службы Шарль Дюмон, что выделялся в толпе своей шапочкой с красным помпоном на макушке, слушал русского моряка с волнением: молодое, смуглое румянца лицо его было оживлено, осененные длинными ресницами глаза сияли.

Дружные крики: «Правильно! Правильно!» и хлопки жестких ладоней перекрыли последние слова оратора. Шарль протискался к нему и принялся энергично трясти, точно из чугуна литую, лапу русского моряка.

— Браво, браво, камарад! (Браво, браво, товарищ!).

— Бонжур, мон вье! Ком-

ман ке са ва? (Добрый день, приятель! Как дела?), — приветливо спросил и Арсений. Он, моряк старой службы, знал с сотню иностранных слов, которых ему за глаза хватало для любого разговора.

Прогуливаясь по Набережной, они переговаривали обо всем на свете — о русской революции и о суточном порционе, о грядущем мире и подводных лодках, о последних волнениях во французской армии и о портовых девчонках: где-то в Алжире и Марселе у них нашлись общие приятельницы, чему оба немало смеялись.

Арсений повел гостя на свой крейсер, где Шарля все привело в восхищение — и то, что все вредные офицеры казнены или списаны на берег; и то, что на корабле самими моряками поддерживается образцовый порядок; и то, что рядовые моря-

ки живут на равную ногу с оставшимися лицами командного состава, едят из одного котла и курят одинаковый табак. Шарль Дюмон не захотел возвращаться на свой корабль. Арсений принес ему из вещевой баталерки комплект обмундирования и подарил отличного боя маузер.

Они подружились.

Всюду их видели вместе, — и на митингах, и на вечеринках, и в театре, и на лекциях, и на бурных заседаниях Кронштадского Совета. Шарль рьяно изучал язык революционной страны.

В июльские дни они вместе маршировали по Невскому, на митинге слушали Ленина, перед особняком Кшесинской присягали на верность революции. Вместе они участвовали в штурме Зимнего дворца, вместе в конце семнадцатого года с одним из первых красногвардейских отрядов отправились и на фронт; всю зиму они вместе выкалывали на бронепоезде по Украине и Дону, сражаясь с разномыслными бандами контрреволюции. Под Ростовом бронепоезд был спущен под откос, а Арсений тяжело контужен.

Потрепанный отряд балтийцев отозвали в Харьков на пе-

реформирование; Арсений, прихватив с собой друга, уехал на поправку к себе в деревню, под Пензу, где у него еще живы были старики.

Дело близилось к весне.

Арсений быстро поправлялся и уже стал похаживать в сельсовет, наводя там порядки, а Шарль с жаром доучивался русскому языку у деревенских девок и частенько возвращался домой под утро.

Весною восемнадцатого года на защиту контрреволюции выступил чехословацкий корпус. По городам и селам зашевелилось воронье, по всему Поволжью забушевали грозы восстаний. Оба моряка пристали к проходившему мимо партизанскому отряду.

С отрядом, принимая бои, они упятились к Волге, сдали Сызрань, отступили до Самары.

☆☆☆

По реке Самарке стлался предраcветный туман.

Нарытые по окраине города окопы были полны спящих людей: спали вымотанные последние боями латыши и матросы; спали лишь накануне прибывшие татары уфимской дружины. По дворам и домам, примыкавшим к фронту, сморенные смертельной усталостью и только что смененные с позиций, спали бойцы самарской дружины коммунистов; успокоенные обманчивой тишиной, беспечно спали в своих норах секретеры и заставы.

Вдруг у самых окопов — острое дыхание паровоза...

Зарывшись в солому и сапывая, спал Шарль. У него в ногах, засунув рукав в рукав и обняв карабин, сидя, спал Арсений. Сознание его было заткано паутиной каких-то летучих, тревожных снов... Вдруг

сердце-вещун: тук-тук... Арсений кулаком протер глаза и, выглянув из окопа, ахнул.

— Чехи, — крикнул он, выдергивая из-за пояса бомбу, — братва, чехи!

Через мост осторожно переползал неприятельский поезд — паровоз и несколько открытых платформ с установленными на них пулеметами и двумя орудиями. Под прикрытием поезда мост перебежали густые цепи чехов в своих шапочках пирожками.

В окопах зашевелились.

В следующее мгновение тишина июньского утра была разодрана залпами.

Весть о неприятеле искрой просверкнула по всей линии фронта от завокзальных позиций до косы, образуемой слиянием Волги и Самарки.

Взыграла паника.

Из окопов выпрыгивали и бежали сломя голову оробевшие, увлекая за собой отважных.

Минута, другая — и с угла Заводской и Уральской улиц — по квадратам кварталов — чехи стали быстро распространяться по городу. На подмогу им из темных щелей вылезли лабазники, эсерствующие юнцы, черная сотня и офицеры подпольной организации.

Защитались дружинники, захваченные в клубе коммунистов; защищался штаб охраны; на улицах защищались отдельные герои, но участь города была уже решена. Заброшенный гранатами, сдался клуб коммунистов, и уцелевших защитников его рыжебородый Масленников вывел на улицу под белым флагом.

Волна террора обрушилась на город.

Окончание см. на 3-й стр.

Артем ВЕСЕЛЫЙ.

Побратимы

Окончание.

Захваченных в плен бойцов пачками расстреливали на косе, у плашкоутного моста, у вокзала, в Запанской слободке; топили в Волге и Самарке, вылавливали по дворам и предавали самосуду.

Моряки — человек пятнадцать — отходили по улице, отстреливаясь. Как вода, напорившись на камень, разбивается на обе стороны, так и моряки разбились, наткнувшись на дом, из окон и с крыши которого по ним загремели выстрелы. Двое остались на мостовой, посредине улицы; пулеметчик Аксютин был застрелен в под'езде как-им-то мальчишкой-гимназистом; еще один растянулся, уронив голову на порог чужого дома; Шарль был схвачен дворниками, остальные бросились врассыпную.

Арсений забежал во двор — кучка падких до зрелищ, полураздетых обывателей расступилась перед матросом, что в три прыжка перемахнул двор и нырнул в пролом в заборе. Перебежал еще двор, смаху на руках перекинулся еще через забор, под его коваными сапогами прогремела железная крыша, под ним оборвалась водосточная труба. Он упал куда-то в сад, прямо в сиреневый куст, в кровь испоров руки. Перелез еще один, усаженный гвоздями, забор, оглядевшись, нырнул в дровяной сарай и — задыхающийся от волнения и быстрого бега — упал на дрова.

вией, гремели военные оркестры. При большевиках памятник Александру II был задрапирован досками. Чьи-то руки уже сдирали эти доски и чьи-то лбы уже стучались о гранитный пьедестал «царя-освободителя», а там, на окраинах, еще шла расправа с побежденными.

Арсений шел, как пьяный. Жажда мести раз'едала его сердце.

Привлеченный криками мальчишек: «Ведут, ведут!» — он остановился. По дороге, окруженная кольцом конвоя, двигалась партия пленных, среди которых он сразу узнал дружка: обрадовался, чуть не крикнул, но сдержался, и, втянув голову в плечи, упятился на тротуар, за спины других. Шарль шагал, потупив залитое кровью лицо. Арсений без думы пошел следом.

Арестованных ввели в дом, у под'езда которого размашисто, мелом было написано: «Управление коменданта города».

Решение созрело мгновенно.

Арсений — мимо часового — вошел вслед за арестованными в просторный зал. Комендант города, в перевитых двухцветной ленточкой погонах полковника, сидел за столом перед зеркальцем и брился. Арсений, четко отбивая шаг, подошел к столу и принял под козырек:

— Поручик 309-го Овручского пехотного полка... Честь имею, господин полковник, явиться в ваше распоряжение...

сился полковник и, сказав несколько фраз об изуверстве тевтонского племени, о кровожадности большевиков и о единстве задач, стоящих перед славянами, протянул руку:

— Завтра, поручик, в нашем штабе вы получите назначение в действующую часть.

Арсений козырнул и пошел было к выходу, но, увидев прижатых в угол пленных, отшатнулся и повернул обратно к полковнику:

— Господин полковник... здесь... негодяй!..

— Что такое?

— Вашими солдатами задержан мерзавец, казнивший мою мать и сестру.

— Который?

Арсений подошел к кучке арестованных и грубо, за руку выдернул Шарля:

— Вот он!

— Не извольте, господин поручик, беспокоиться. Я прикажу немедленно расстрелять его, здесь же во дворе.

— О, нет... На могиле матери я поклялся... Позвольте мне самому с ним расправиться! — и Арсений выхватил из кармана пустой кольт.

Полковник любезно согласился.

Арсений залепил другу по скуле так, что тот пролетел через весь зал и тяжестью своего тела распахнул дверь во двор. Арсений быстро выскочил за ним и, награждая его тумаками, повел куда-то в глубину двора.

Все было кончено, бежать было некуда... Бомбы все до одной раскиданы; приклад карабина расколот пулей; не могли больше сослужить службы кольт и паган, патроны из которых были расстреляны, расстреляны все до последнего.

Перебрав скороговоркой всех божьих угодников и святителей до семьдесят седьмого колена, моряк закурил... Но напрасно он думал, что оторвался от преследователей — его искали, искали и в саду, и по дворам, и по всем норам. Вот он слышал лающие голоса, звон шпор, топот многих ног... Затаптал окурок и, схватив березовое полешко, — с сердцем, бьющимся в самом горле, — встал за дверной косяк... Идут, прошли... Но один — судьбы подарок! — завернул в дровяник и у самой двери рухнул, сраженный поленом.

Через несколько минут, одетый в длинную до пят офицерскую шинель, Арсений вышел на улицу и замешался в толпу.

☆☆☆

Город ликовал.

Над городом полыхал праздничный перезвон церковных колоколов, улицы были полны разряженными лавочниками, с балконов на победителей сыпались цветы и крики приветст-

Полковник, не прекращая своего занятия, скосил глаза и внимательно осмотрел стоящего перед ним человека в офицерской шинели, из-под воротника которой выбивался ворот матросской форменки.

— Ваши документы?

Арсений подал истертый на сгибах послужной список, из которого явствовало, что он действительно является поручиком 309-го Овручского пехотного полка Андреем Владимировичем Озеровым, награжденным двумя георгиевскими крестами и уволенным со службы по демобилизации.

Полковник отер носовым платком чисто выскобленное лицо и подал руку:

— Очень рад. Садитесь.

Арсений сел в кресло.

— Вы, господин поручик, и в русском флоте служили? — неожиданно спросил полковник, не сводя с него светлых, холодных глаз.

— Нет, не служил.

— А это что за маскарад? — и он, перегнувшись через стол, вытянул у него из-под шинели ворот форменки.

Арсений заправил ворот обратно и спокойно ответил:

— При большевиках, господин полковник, всяко приходилось одеваться...

— Да, да, конечно, — согла-

☆☆☆

Через полчаса они уже сидели на Набережной в шумном трактире, пили чай и обсуждали план дальнейших действий. Убежать из города было не так просто: на все дороги и тропы были выставлены заставы, всюду шныряли военные патрули, проверяющие у всех подозрительных документы. В том же трактире они познакомились с кочегарами буксирного пароходика «Сатурн». Арсений, решив сыграть ва-банк, открылся кочегарам во всем.

Ночевали дружки в трюме «Сатурна».

В трюме они сидели три недели, не высывая носа на белый свет.

Но вот капитан «Сатурна» получил приказание чешского командования доставить на фронт две баржи с патронами и снарядами.

Отправились в поход.

В ночь с первого на второе июля под Хвалынском, пройдя полным ходом линию фронта, транспорт «Сатурн» — под красным флагом — выплыл к советским берегам, где и был встречен с почестями. Красная армия нуждалась и в пароходах, и в патронах, и в снарядах, а еще более — в верных революции людях!

Апрель 1935 г. Москва.